

Lamprecht, Arnošt

Основной словарный фонд и родство языковых семей

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. 1955, vol. 4, iss. A3, pp. [5]-10

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/100236>

Access Date: 22. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Арношт Лампрехт

ОСНОВНОЙ СЛОВАРНЫЙ ФОНД И РОДСТВО ЯЗЫКОВЫХ СЕМЕЙ

Наша статья является продолжением статьи К вопросу основного словарного фонда в чешском языке.¹ Однако в отличие от предыдущей статьи она ставит перед собой задачу обратить внимание на самые внутренние слои основного словарного фонда. Учение об основном словарном фонде имеет большое теоретическое и методологическое значение для всего языкознания, хотя всем серьезным работникам по лексикологии известно, что нельзя вести резкую отделительную линию между основным словарным фондом и остальным словарным составом. Но это никак не значит, что не является полезным искать те отличительные черты, по которым можно определять слова основного фонда и выделять их из остального словарного состава. Работа такого рода имеет большое значение и покажет нам, какие слои основного словарного фонда являются более устойчивыми, находящимися в центре основного фонда, а какие, напротив, находятся в самых его периферийных областях или даже вне его в остальном словарном составе. Из нашего лексического разбора, проведенного в предыдущей статье, вытекало, что самыми центральными частями основного словарного фонда являются слова, находящиеся в тесной связи с морфологией, как напр: местоимения, местоименные наречия, частицы, некоторые союзы, а из других частей речи главным образом первичные производные глаголы. Менее устойчивыми являлись имена существительные, хотя и здесь некоторые слова, обозначающие вещи и явления, с которыми человек встречался с самой глубокой древности, очень древнего происхождения.

С этой методологической точки зрения надо подходить к сравнению языков на основе основного словарного фонда, что особенно важно в тех случаях, где мы не имеем возможности сравнения грамматического строя, напр. у языков без развитого морфологического строя или при сравнении более отдаленных групп языков, морфологический строй которых развился после взаимного отделения этих групп или семей языков. В таком положении мы находимся при сравнении индоевропейской языковой семьи с другими семьями. Конечно, в том же самом положении мы оказались бы, если бы не было того благоприятного обстоятельства, что индоевропейские языки зафиксированы уже в далекой древности. Не будь того, никак не удалось бы напр. при помощи сравнения грамматического строя установить родство между русским языком и языками французским или английским, отошедшим в своем грамматическом строе слишком далеко от класси-

ческого образца индоевропейского языка. Известную помощь оказало бы нам только сравнение основного словарного фонда, особенно местоимений и глаголов.

Индоевропейская языковая семья сравнивалась с разными другими языковыми семьями, но не всегда с одинаковыми результатами. Особенного внимания заслуживают лишь сравнения с угрофинской и семитской языковыми семьями. Мы остановимся на сравнении с угрофинскими языками, так как результаты этого сравнения являются на нынешнем этапе состояния науки более достоверными, чем сравнение с семитскими языками, где припеденные при сравнении слова носят более или менее культурный характер.

Языковые сходства с угрофинскими языками касаются именно отмеченных нами центральных слоев словарного фонда. Ганс Енсен в своей статье *Indogermanisch und Uralisch*,² опирающейся на произведение Б. Коллиндера *Indo-uralisches Sprachgut*³ приводит примеры угрофинских слов, которым соответствуют слова в индоевропейских языках. Очень важно, что значительная часть этих сходств касается местоимений. Приведем некоторые примеры:

фин. <i>minä</i>	ненец. <i>man</i>	индоевроп. <i>me-</i>
фин. <i>sinä</i> < <i>tinä</i>	ненец. <i>tan</i>	индоевроп. <i>te-</i>
фин. <i>hän</i>	морд. <i>zon</i>	индоевроп. <i>so-, se-, si-</i>
фин. <i>tä-, tuo-</i>	ненец. <i>tam, tau, to</i>	индоевр. <i>te-</i>
фин. <i>niin</i> „so“	ненец. <i>na</i> „er, der“	др. инд <i>nānā</i> „so und so“
морд. <i>e-sa</i>	венгер. <i>e-z</i> „dieser“	индоевр. <i>i-, e-(is)</i>
фин. <i>jo-</i> „welcher“		индоевр. <i>jo-</i>
фин. <i>ke-</i> „wer“		индоевр. <i>kūi-</i> (<i>quis</i>)
фин. <i>ku-</i> „wer“		индоевр. <i>kūi-</i>

Коллиндер говорит: Von etwa zwölf finnisch-ugrischen Pronominalstämmen finden sich zehn im Indoeuropäischen wieder.⁴

Менее сходств находится у глаголов, но все-таки некоторые из них являются вполне убедительными, напр.

фин. <i>kaapaa-</i>	ненец. <i>kuwa-r-lim</i>	лат. <i>capere</i>
фин. <i>murtta-</i> „zerbrechen“		др. инд. <i>mṛnāti</i> „er zermalmt“
фин. <i>vetä-</i> „ziehen, führen“		слав. <i>vedo</i> лит. <i>vedù</i>
фин. <i>tuo-</i> „bringen“		др. инд. <i>dadāti</i> лит. <i>duoti</i>
фин. <i>puno-</i> „zwirnen“		лит. <i>pinti</i> гот. <i>spinnan</i>
эст. <i>mõske</i> „waschen“	ненец. <i>māsa-</i>	лит. <i>mazgoti</i> лат. <i>mergo</i>
венгер. <i>mond-</i> „sagen“	ненец. <i>mān</i> „sagen“	др. инд. <i>manati</i> „er erwähnt“
фин. <i>myy-</i> „verkaufen“	ненец. <i>mi-</i> „geben“	др. инд. <i>-mayate</i> „er tauscht“
фин. <i>asu-</i> „sich aufhalten“		индоевр. <i>es-</i> „sein“

Паасонен⁵ сравнивает тоже фин. *repi-* с инд. корнем *reup-*. Полное собрание материалов можно найти в упомянутых трудах по этому вопросу. Может быть, что с течением времени языковеды найдут дальнейшие убедительные примеры сходств. Проходя сравнительную грамматику угрофинских языков⁶ и учебник финского языка,⁷ мы встретились с глаголами *pala-* „brechen“ и *muuttua-* „ändern“, которые можно сравнивать с индоевроп. корнем *pel-, pol-* (ср. рус. палить, пепель) и с лат. *mūtāre*. Из остальных глаголов своим звуковым составом и своим

значением напоминают индоевропейские корни глаголы *asettae* „stellen“ и *istua* „sitzen“.

Из числа имен существительных можно привести только несколько, но вполне обоснованных сходств, напр.:

<i>vele-</i> „Wasser“	слав. <i>voda</i> etc.
<i>mele-</i> „Honig“	слав. <i>medь</i> etc.
<i>nime-</i> „Name“	немед. <i>Name</i> etc.
<i>keri-</i> „Birkenrinde“	слав. <i>skora, kora</i>

К ним можно было бы добавить мансийское *хум*, лат. *homo*, гот. *guma*⁸ если, впрочем, нет другой этимологии на домашней почве.

Приведенные примеры вполне убедительны, так как нет никакой потребности в заимствовании этих слов. Меньшую документальную ценность имеют сходства в области предметов торга, напр. сходства в словах обозначающих топор, меч, горшок, нож и т. д. Здесь мы никогда не можем точно определить на основе самого лексического разбора, дело ли в старом сходстве или в заимствовании. С этой оговоркой можно привести напр. следующие примеры:

<i>pata</i> „Topf“	ненец. <i>pätä</i>	др. англ. <i>pott</i>
<i>kuras</i> „Schneidewerkzeug“	ненец. <i>koru</i> „Messer“	гот. <i>hairus</i> „Schwert“

К. Виклунд приводит еще некоторые дальнейшие примеры, напр.

фин. <i>suola</i>	лат. <i>sal</i>	
фин. <i>kala</i> „Fisch“	др. нор. <i>hvalr</i> „Wal“	др. прус. <i>kalis</i> „Wels“
фин. <i>kota</i> „Haus“	санскр. <i>kuta</i> „Hütte“	авест. <i>kata</i> „Graben“
фин. <i>kuoppa</i> „Grube“	санскр. <i>kūpa</i> „Grube, Höhle“	

Может быть, что некоторые из этих примеров являются старым заимствованием, но если учесть древний образ жизни, то можно с успехом сравнивать финское *kota* с авестским *kata*. Полное собрание материалов находится в выше приведенных научных трудах.

Из остальных сходств приведем следующие:

фин. <i>perä</i> „Hinteres“	др. инд. <i>para-</i> „entfernter“
фин. <i>lante-</i> „niedrig“	нем. <i>Land</i> рус. <i>лнда</i>
фин. <i>paljo</i> „viel“	гот. <i>filu</i>
фин. <i>puoli</i> „halb“	слав. <i>polъ</i> „halb“

Из числительных можно было бы еще привести венг. *kető, két* „zwei“ и русское *чета* „Paar“ и *четный*.¹⁰

Финским частицам *-ki, -kin* соответствуют лат. *-que* и инд. *ca*.

Эти лексические сходства в самых центральных слоях основного фонда (местоимения, первичные глаголы, название воды и т. д.) прекрасно подтверждены сходствами в некоторых словообразовательных и морфологических формах, напр. суффикс *-m* в винительном падеже, суффиксы *-t, -d* в аблативе и т. д. Коэлиндер говорит: *Von 14 finnisch-ugrischen Nominalformantia finden sich 12 im Indoeuropäischen wieder*.¹¹

Тоже глагольные окончания можно хорошо сравнивать с индоевропейскими, напр. в 1-ом лице в угрофинском праязыке встречается окончание *-m*,¹² сходное с индоевропейским окончанием. Во 2-ом лице встре-

чается *-t*, но разница только мнимая. А. Эргарт в своей сатве показал, что тоже в индоевропейских языках встречается окончание *-t*.¹³ Сравнение обеих языковых семей может дать полезные результаты при объяснении системы спряжения в индоевропейской и угрофинской семьях. В последнее время Б. Розенкранц объяснил в статье *Hethitisches zur Frage der indogermanisch-finnisch-ugrischen Sprachwissenschaft* венгерское *-k* в 1-ом лице при помощи сравнения с хетт. *hi*-спряжением.¹⁴

Из приведенного вытекает, что сходства индоевропейских языков с угрофинскими нельзя считать случайными, хотя число сравниваемых глаголов или имен существительных не является слишком великим. Однако надо иметь в виду, что напр. французский язык, возникший из латинского языка, потерял в течение одной тысячи лет значительную часть исконных глаголов, напр. *stāre, sedēre, edere* etc. и заменил их другими выражениями, напр. *être debout, être assis, manger*. То же самое могло случиться, но еще в большем масштабе, в угрофинских языках в течение шести или семи тысяч лет, которые прошли с эпохи взаимных связей обеих семей. При таких обстоятельствах просто удивительно, что сохранилось все-таки известное количество сходств. Эти лексические сходства подтвердили наши теоретические предположения, опирающиеся на результаты разбора современного языка и вновь убедительно показали, что самым центральным слоем основного словарного фонда являются местоимения, некоторые частицы и некоторые первичные глаголы, а также, в меньшей степени, и другие части речи, обозначающие примитивные явления, и что в тесной связи с этим ядром основного фонда находится инвентарь словообразовательных средств. На основе этих установлений можно будет проводить дальнейшие исследования в этом направлении.

Однако препятствием дальнейшего изучения родственных связей обеих семей является до сих пор недоработанность звуковых соответствий. Угрофинским языкам, в отличие от индоевропейских, не свойственны звонкие смычные. Но если окажется возможным объяснить возникновение индоевропейских звонких при помощи ассимиляции к звонким аспиратам или даже при помощи ларингальной теории,¹⁵ и будет, таким образом, устранена разница между фонетическими системами — согласный *b* в индоевропейских языках, конечно, всегда вызывал сомнение! —, то в таком случае будут открыты новые пути успешного исследования.¹⁶

Задачей нашей статьи было дать толчок к дальнейшим работам по сравнительной лексикологии угрофинских и индоевропейских языков. Особенно важное место в этом исследовании должны занять советские языковеды, у которых после огромной работы по составлению описательных грамматик и словарей отдельных языков будут все возможности для составления сравнительной грамматики и этимологического словаря угрофинских языков. Сравнительная грамматика и этимологические или просто сравнительные словари — это предпосылки дальнейшей успешной работы в этом направлении.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ K otázce základního slovního fondu v českém jazyce, Sborník prací filosofické fakulty brněnské university, стр. 58—81, серия А, № 1 1952 (русское резюме).

² Hans Jensen, Indogermanisch und Uralisch, Germanen und Indogermanen, Festschrift Hirt 2, Heidelberg 1936, стр. 171—181.

³ Bj. Collinder, Indo-uralisches Sprachgut, Uppsala Univers. Årskrift 1934, I.

⁴ Festschrift Hirt 2, стр. 178; Collinder стр. 81.

⁵ Paasonen, Finno-ugrische Forschungen VII 1907, стр. 18.

⁶ Josef Szinyei, Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Berlin—Leipzig 1922.

⁷ M. Wellewill, Praktische Grammatik der Finnischen Sprache, Wien—Leipzig.

⁸ Szinyei стр. 54.

⁹ K. B. Wiklund, Finnisch-ugrisch und Indogermanisch, Le monde oriental I, 1908.

¹⁰ Это сравнение мне сообщил проф. В. Махек; оно приведено в старом рукописном словаре В. Горака. До сих пор не ясно, в каком отношении к этим словам находятся общеевропейские числительные *четыре* и *восемь* (*o-kt-o*), обозначающие две и четыре пары.

¹¹ Festschrift Hirt 2, стр. 179; Collinder стр. 81.

¹² Szinyei стр. 128—129.

¹³ A. Erhart, Ke genesi slovesné flexe v jazycích indoevropských, Sborník prací filosofické fakulty brněnské university, серия А, № 2, 1954, стр. 44—57.

¹⁴ Bernhard Rosenkranz, Hethitische zur Frage der indogermanisch-finnisch-ugrischen Sprachverwandschaft, Archiv orientální 1950, № 1—2, стр. 439—443.

¹⁵ Этим вопросом занимается А. Erhart.

¹⁶ Некоторые примеры сходств угрофинских языков с индоевропейскими — особенно в словообразовательных форматах — приведены тоже в чешском этимологическом словаре Голуба и Копечного.

Дальнейшая литература: Bj. Collinder, Indo-uralische Nachlese. Uppsala, Almqvist & Wiksell 1943. 6 стр. 8° (к сожалению, я не мог воспользоваться этим произведением).

Петер Хайду, К этногенезу венгерского народа. Acta linguistica, Tomus II, Fasciculus 3—4, Budapest 1953, стр. 247—316. — Прекрасное произведение, но с некоторыми взглядами я не могу согласиться. Хайду относится отрицательно к произведению Коллиндера и хочет все сходства свести к заимствованию. В приведенных примерах сходств (на стр. 287) Хайду по какой-то неизвестной причине пропущил местоимения. А именно местоимения принадлежат к тем частям речи, которые не заимствуются. Если признать заимствование десятка основных местоимений вместе с заимствованием десятка первичных глаголов и такого имени существительного, как вода, надо поставить вопрос, что именно такое основной словарный фонд!

ЗÁКЛАДНÍ СЛОВНÍ ФОНД А ПРÍБУЗНОСТ ЈАЗЫКОВÝХ РОДИН

Článek je pokračování stati K otázce základního slovního fondu v českém jazyce. Na rozdíl od ní si však všímá nejstabilnějších vrstev základního slovního fondu a na jejich základě se snaží posuzovat jazykové vztahy indoevropsko-ugrofinské. Lexikální shody těchto dvou velkých jazykových rodin se totiž týkají právě nejstarších a nejstabilnějších vrstev základního slovního fondu, t. j. zájmen (srov. fin. *minä, sinä* > *sinä* s indoevrop. osob. zájmeny nebo fin. *ke-* s indoevrop. *k^ui-* atp.); částic (srov. fin. *-ki* s lat. *que*), některých primárních sloves (srov. fin. *vetä-, asu-, tuo-* se slov. *vedo*, indoevrop. **es-* a lit. *duoti*) i starých substantiv (srov. fin. *vele-* slov. voda, fin. *nime-* něm. *Name* atp.), a jsou dále ještě potvrzeny některými shodami v slovo- tvorných formantech (na př. *-m* v akusativu, *-i, -d-* v ablativu, *-m* v l. os. sg. atp.). Z toho vyplývá, že tyto shody nelze pokládat za náhodné. Jistou překážkou zkoumání je však dosud nevyjasněnost hláskoslovných responsí a odchylnost fonetických soustav, zdá se však; že ji bude možno v budoucnu překonat novými výklady indoevropského systému. Důležitý úkol v bádání o jazykových shodách indoevropsko-ugrofinských bude mít zejména sovětská jazyko- věda.

DER GRUNDLEGENDE WORTSCHATZ UND DIE VERWANDSCHAFT DER SPRACHFAMILIEN

Der Artikel ist eine Fortsetzung des Aufsatzes Zur Frage des grundlegenden Wortschatzes in der tschechischen Sprache. Zum Unterschiede von diesem werden jedoch darin die am meisten stabilen Schichten des grundlegenden Wortschatzes beachtet und er ist auf ihrem Grund bestrebt, die sprachlichen indoeuropäisch-ugrofinnischen Beziehungen zu beurteilen. Die lexikalischen Übereinstimmungen betreffen nämlich eben die ältesten und am meisten stabilen Schichten des grundlegenden Wortschatzes, d. h. die Pronomina (z. B. finn. *minä*, *tinä* > *sinä* und ide. Personalfürwörter oder finn. *ke-* und ide. *k^ui-* usw.), die Partikeln (z. B. finn. *-ki* und lat. *que*), einige primäre Verba (finn. *vetä-*, *asu-*, *tuo-* und slaw. *vedo*, ide. **es-*, lit. *duoti*) als auch alte Substantiva (finn. *vete-*, slaw. *voda*, finn. *nime-*, nhd. *Name* usw.) und werden ferner durch einige Übereinstimmungen in den wortbildenden Formanten bestätigt (z. B. *-m* im Acc., *-t*, *-d* im Abl., *-m* in der 1. Pers. Sing. usw.). Daraus folgt, daß man diese Übereinstimmungen keinesfalls als zufällig ansehen kann. Die Erforschung wird jedoch dadurch behindert, daß wir über die lautlichen Entsprechungen und die Abweichungen der phonetischen Systeme noch nicht im klaren sind; diese Hindernisse wird man aber wohl künftighin durch neue Deutungen des indoeuropäischen Systems überwinden können. Eine wichtige Rolle in der Erforschung der sprachlichen indoeuropäisch-ugrofinnischen Übereinstimmungen fällt der sowjetischen Sprachwissenschaft zu.